

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

На правах рукописи

Ли Чжэ Чжун

**БЫЛИЧКИ О ЛЕСНОМ ДУХЕ В КОРЕЙСКОЙ И РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЯХ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ТИПОЛОГИИ**

Специальность – 10.01.09-10 – «Фольклористика»

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент Светлана Борисовна Адоньева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Сергей Николаевич Азбелев

доктор филологических наук, профессор Наталья Васильевна Дранникова

Ведущая организация:

Российский институт истории искусств

Защита состоится «21» марта 2011 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.208.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук Института русской литературы (Пушкинском Доме) РАН (199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова д.4). С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН по адресу: 199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова д.4.

Автореферат разослан «.....».....2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Кандидат филологических наук

С.А. Семячко

Общая характеристика работы

Актуальность проблемы. В русской фольклористике интерес к мифологическим рассказам возник в середине XIX в. В начале XX в. для мифологических рассказов исследуемого нами типа появился специальный термин «былички». Однако тексты такого рода длительное время не воспринимались как самостоятельный жанр и публиковались нередко в сборниках сказок, иных фольклорных собраниях.

Впервые на специфику данного вида крестьянской прозы обратили внимание собиратели конца XIX в., а первая монография, посвященная жанру былички, появилась только в 1975 году. Тем не менее, весь период с середины XIX до середины XX века характеризуется накоплением материала для последующих исследований, которые не могли бы быть осуществлены, если бы былички, привлекавшие неизменное внимание собирателей, не записывались в достаточно большом количестве. Начиная с 80-х годов XX в., после ослабления и снятия идеологических ограничений, возникших в советское время, появился целый ряд научных работ, посвященных структуре, функциям и поэтике мифологических рассказов.

Корейская научная традиция складывалась при иных исторических условиях. Фольклористика в Корее возникла в начале XX века, в то время, когда Корея была колонией Японии. Появление этой дисциплины было обусловлено ростом национального самосознания корейцев. После освобождения и обретения национальной независимости (1945 г.) и в особенности после окончания гражданской войны (1953 г.) фольклорные исследования в Корее были прямо связаны с теми идеологическими задачами, которые встали перед независимым национальным государством: формирование национальной идентичности и изучение собственного национального наследия.

Наряду с осознанием ценности собственной культурной традиции постепенно возникло беспокойство, обусловленное процессом вестернизации

национальной культуры и утраты традиционного знания. При этом народные верования и мифология корейцев рассматривались как полноправный компонент национального наследия, а мифологические рассказы служили и служат материалом для исследований не только национального фольклора, но и национальной религиозности.

Предметом исследования в настоящем диссертационном сочинении стали фольклорные мифологические нарративы определенного типа. В плане тематическом они входят в группу устных рассказов, посвященных лесному духу-хозяину: лешему – в случае русской традиции и лесному Токкэби – в случае корейской традиции. В плане жанровом они относятся к повествовательной форме, которую в русской научной традиции принято называть быличкой.

Специфика и новизна исследования состоит в том, что в качестве объекта изучения избраны фольклорные формы, принадлежащие двум очень далеким культурам: корейской и русской. Типологическое сопоставление тематики и формы этих нарративов составляет основную **цель** исследования. Его проблематика определена необходимостью проанализировать и сопоставить не только сами нарративы, но и научные аппараты, сложившиеся в русской и корейской фольклористике. Описание методологий исследования былички позволило найти точки схождения, на основе которых может быть построено сопоставление корейского и русского фольклорного материала.

Материалом послужили следующие источники:

Корейские материалы, использованные в данной диссертации, ограничены записями, собранными и опубликованными в XX и начале XXI веков, так как с научной целью корейские фольклорные тексты начали фиксировать с начала XX века. Основным материалом для исследования послужило издание «Хангук губимунхак дэге (Большая серия корейского фольклора)» (82 т. Сеул, 1980-1989 гг.). В нем представлено 189 текстов о Токкэби. Ким Джонг Дэ в своей монографии «Миндамква синангыл тонгхе бон Токкэби сего (Мир Токкэби в народной прозе и веровании)» (Сеул, 1994),

поместил 37 текстов, записанных им в 1991-1992 гг. в провинциях Кванвондо, Чхунчхоннамдо, Чолланамдо, Кёнгидо и Джеджудо. Ким Ёнг Хи опубликовал 20 мифологических рассказов в статье «Токкэби чехомдам малхаги» ы ёнгу (Изучение воспоминаний-рассказов о Токкэби)», они были записаны в 1999-2002 гг. в провинциях Чхунчхоннамдо и Кёнсаннамдо; Ким Пён Вон в магистерской диссертации привел 15 текстов, записанных им в провинции Чоллабукдо в 1990 г.

Русские материалы, использованные в данной работе, относятся, в основном, к районам Севера и Северо-запада России. Эти регионы на протяжении многих веков сохраняли и продолжают сохранять богатые традиции народной культуры, таким образом, наш выбор региона был обусловлен наличием полного спектра богатых и доступных фольклорных источников. Материалом исследования послужили тексты мифологических рассказов, опубликованные или подготовленные к изданию с середины XIX - до начала XXI века и вошедшие в публикации: «Демонология жителей Архангельской губернии// Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год» (П.С. Ефименко 1864); «Заонежские поверья// Песни собранные Рыбниковым» (П.Н. Рыбников 1864); «Северные сказания о лембоях и удельницах» (Е.В. Барсов 1874); «Материалы по народным верованиям великороссов// Этнографическое обозрение» (Д.Н. Ушаков 1896); «Верования великороссов Шенкурского уезда// Этнографическое обозрение» (П.Г. Богатырев 1916), а также сборники: «Полное собрание этнографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева» (А.Е. Бурцев 1910-1911гг.); «Легенды. Предания. Бывальщины» (Н.А. Криничная 1989); «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера» (О.А. Черепанова 1996); «Предания и былички» (В.П. Кузнецова 1997); «Традиционный фольклор Новгородской области» (М.Н. Власова, В.И. Жекулина 2001); «Кенозерские сказки, предания, былички» (Н.М. Ведерникова 2003); «Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней» (В.Д. Кен 2004); «Мифологические рассказы Архангельской области» (Н.В. Дранникова 2009); а также записи фольклорного архива

филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, которые были сделаны на территории южного и северного берегов Белого озера в 1988-2008 гг. Исследование в значительной степени основано на фольклорно-этнографическом материале А.Е. Бурцева («Полное собрание этнографических трудов»), изданном в 1910-1911 годах. В него мифологические рассказы вошли наряду со сказками, поверьями, приметами и другими жанрами фольклора, записанными на Русском Севере.

Содержание диссертации

Во **«Введении»** обосновываются актуальность и научная новизна темы диссертационного сочинения, характеризуется степень изученности заявленной темы, формулируются цели и задачи работы, обосновывается выбор материала, а также дается описание структуры диссертации.

Первая глава «Проблемы изучения и описания мифологической прозы» посвящена анализу теоретических подходов к собиранию и изучению устных мифологических рассказов, их жанровой систематизации, определению признаков, которые положены в основу классификации устной прозы в русской и корейской фольклористике.

1. Проблемы терминологии в русской фольклористике: в параграфе последовательно рассматриваются понятия суеверие, миф, быличка, мифологический рассказ в их отношении к предмету исследования.

2. Жанровые особенности быличек: в параграфе рассматриваются наиболее значимые российские исследования (Э.В. Померанцевой, В.П. Зиновьева, В.К. Соколовой, Е.Е. Левкиевской и др.), в которых были предложены классификации быличек. Отношения между жанрами устной фольклорной прозы представлены в виде схемы. Выделяются специфические жанровые черты, которые позволяют утверждать, что быличка может быть определена как самостоятельный фольклорный жанр. Формулируется самостоятельное определение термина быличка.

3. История изучения мифологической прозы: параграф подразделяется на три части:

3.1. История изучения мифологической прозы в русской фольклористике: в этой части в хронологическом порядке излагаются разные подходы к мифологической прозе. Рассматривается история определения былички как жанра в науке.

В этнографии, начиная со времени ее формирования как отдельной дисциплины, мифологические рассказы рассматриваются в качестве источника для изучения народных верований. Одним из первых ученых, работающих в этом направлении, был А.Н. Афанасьев. В работе «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869) он отмечал, что корни мифологических образов восходят к культу природных стихий (огня, воды, земли) и к культу предков. Д.К. Зеленин в своем труде «Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки» (1916), высказал предположение о том, что мифологические персонажи (в частности – русалки) связаны с культом мертвых. С.А. Токарев, изучая поверья, верования и мифологические рассказы на мировоззренческом уровне, считал их продуктом мифо-религиозного сознания. В работе «Религиозные верования восточнославянских народов XIX-начала XX в.» (Токарев 1957) он рассматривал «самобытную» дохристианскую религию восточнославянских народов, раскрывая происхождение и значение мифологических верований. Российские фольклористы (Н.Е. Ончуков, Б.М. Соколов и Ю.М. Соколов, И.В. Карнаухова и др.) стали понимать быличку как самостоятельный жанр только в начале XX века.

3.2. Место былички в сказочной прозе: в этой части рассматриваются существующие как в российской, так и в западной фольклористике классификации жанров сказочной прозы.

Одним из важных аспектов изучения мифологических рассказов в XX веке является их классификация. Она началась в зарубежной фольклористике.

Наиболее совершенными оказались указатели Ж.Р.В. Сининге, Р.Т. Кристиансена и Л. Симонсуури, на базе которых и были созданы указатели русских мифологических рассказов. Зарубежные исследователи, рассматривая легенды и предания, которые соответствовали быличкам и бывальщинам в русском фольклоре, составили указатели по мифическим персонажам. В середине XX века появился иной подход к созданию классификации прозаических жанров фольклора. Учитывается ситуация коммуникации, ее цели и обстоятельства, а также социальные, идеологические, психологические и прочие характеристики повествователей и слушателей (К. Сидов).

В российской фольклористике В.Я. Пропп ввел свое деление прозаических жанров фольклора: выделяя в области эпической народной устной прозы виды несказочной и сказочной прозы, он отметил, что их различия определены отношением к действительности как объекту художественного творчества; а также эстетической нормой. Различие сказочной и несказочной прозы он видел в оценке достоверности рассказываемого, а следовательно, связывал с позицией рассказчика. Тем самым был учтен коммуникативный аспект ситуации рассказа, а не только характеристики самого текста.

Для К.В. Чистова при разграничении жанров несказочной прозы был важен функциональный признак. Исследователь предложил следующие признаки для различения жанров прозы: 1) по признаку времени (рассказы о давно прошедших временах, о недавнем прошлом); 2) по признаку локальной приуроченности или неприуроченности; 3) по наличию или отсутствию сверхъестественных образов; 4) по соотношению действующего лица, рассказчика и слушателя.

Проблемой разграничения жанров несказочной прозы занимался также С.Н. Азбелев. Он оспаривал классификацию К.В. Сидова, считая невозможным разграничивать произведения несказочной прозы по формальному (коммуникативному) принципу: предания, легенды и былички могут

существовать как в форме фавулата, так и в форме мемората.

Классификации жанров сказочной прозы Проппа, Чистова и Азбелева представлены в тексте диссертации в виде схем.

3.3. Попытки классификации былички: в заключительной части третьего параграфа описываются существующие в российской фольклористике попытки создания классификаций жанров русской сказочной прозы. Последовательно рассматриваются классификации и указатели С. Айвазян и Э.В. Померанцевой, В.П. Зиновьева и М.В. Рейли.

4. Мифологическая проза в корейской традиции: параграф посвящен рассмотрению жанров сказочной прозы в корейской традиции.

4.1. История изучения мифологической прозы в корейской фольклористике: в этой части в хронологическом порядке рассматриваются немногочисленные корейские исследования, посвященные мифологической прозе. В корейском фольклоре, также как и в русском, бытуют рассказы о встречах человека со сверхъестественным существом. Такое существо называют в Корее Токкэби. Первым источником, в котором упоминается Токкэби, является сборник «Самгук юса» конца XIII века. Однако научный интерес к образу Токкэби появился в Корее только в 70-х годах XX века.

4.2. Проблемы терминологии в корейской фольклористике: во второй части параграфа рассматриваются проблемы, связанные со статусом мифологической прозы в корейской науке. В отличие от русской, в корейской фольклористике не существует определенного термина для тех рассказов, в которых Токкэби является главным действующим лицом. Корейские фольклористы в большинстве не уделяют большого внимания формам повествования рассказов о Токкэби (меморат, фавулат). Однако если все же сравнить русскую и корейскую терминологию и сложившиеся в процессе научного осмысления мифологической прозы представления, то окажется, что в некоторых чертах они совпадают. Так, мифологические рассказы или былички соотносятся с персонажами «низшей мифологии» или «квазимифологии».

Мифологические мотивы встречи со сверхъестественным существом могут быть представлены в разных фольклорных жанровых формах. Истоки этих представлений видятся в архаических формах сознания и древних религиозных представлениях. Вместе с тем, несомненно, теоретическая проблематика мифологической прозы в русской фольклористике разрабатывалась более тщательно, чему есть конкретные исторические объяснения.

4.3. Место рассказов о Токкэби в устной прозе и принципы их классификации: в заключительной части параграфа рассматриваются существующие в корейской фольклористике классификации рассказов о Токкэби.

Начиная с 70-х гг. XX в. в корейской фольклористике было предпринято несколько попыток систематизации рассказов о Токкэби. Тем ни менее, рассмотрение различных подходов к классификации рассказов о Токкэби показало, что общепринятая концепция в этой сфере еще не сложилась. Исследователи вводят каждый свои определения и по-разному размещают их в жанровой системе. Именно поэтому пользоваться этими классификациями при анализе материала достаточно сложно. Опираясь на разработки, предпринятые как в корейской, так и в русской фольклористике, мы разделили рассказы о Токкэби две группы. Во-первых, это – *сказки*, в них Токкэби действует как второстепенный персонаж, подобно лешему или чёрту в русских волшебных и бытовых сказках. Во-вторых, это – *мифологические рассказы* о Токкэби, по аналогии с «быличками» и «бывальщинами» русской традиции.

Далее рассказы о Токкэби систематизируются по функциям. Классификация корейских рассказов о Токкэби представлена в виде таблицы.

«Выводы»: первая глава заканчивается отдельным параграфом, в котором суммируются наиболее важные наблюдения и замечания, касающиеся теоретических вопросов, связанных со статусом мифологической прозы а русской и корейской фольклористике.

Рассмотрев существующие в науке точки зрения современных ученых и исследователей фольклора XIX века на русскую мифологическую прозу, можно выделить основные проблемы, которые требуют пристального внимания и

дальнейшего изучения. К ним относятся: проблема классификации жанров сказочной прозы в целом; проблема определения границ и жанровых особенностей одного из видов мифологической прозы – быличек. В русской фольклористике пока не существует единого принципа классификации сказочной прозы в системе устной народной прозы. В первой половине XX века господствовал тематический принцип. В середине XX века этот принцип сменился другим – коммуникативным принципом, при котором учитывались отношения «говорящий высказывания / слушающий». Разногласия при классификации жанров сказочной прозы неизбежны, т.к. в каждом жанре сказочной прозы присутствуют некоторые признаки, характерные для других жанров. Именно в этом заключается трудность составления общепринятой классификации.

Такую трудность испытывают и корейские фольклористы. В современной корейской науке так же пока нет общепринятой классификации мифологических рассказов. В большинстве случаев эти рассказы систематизированы по содержанию, иногда основой классификации становится характерный атрибут персонажа. Проблематичность этих классификаций связана и с тем, что исследователи, занимаясь изучением мифологического персонажа, не учитывают жанровых различий тех нарративов, в которых он упоминается.

Во второй главе «Мифологические персонажи лесного пространства» рассматриваются рассказы о природных мифологических персонажах в русской и корейской мифологической прозе. Впервые принципом рассмотрения стало структурное сопоставление повествовательных фольклорных форм, принадлежащих двум разным культурам с учетом различия их мировоззренческих оснований.

1. Дух-хозяин лесного пространства в русской традиции: рассматривается образ лесного духа в русской культуре в нескольких аспектах: представления о

лесном духе, время и пространство появления, контакты людей с лесным духом.

1.1. Представления о духе-хозяине леса: в первой части параграфа рассматриваются существующие в русской культуре представления о лешем среди основных мифологических персонажей (домовой, дворовой, банник и т.д.) В разных регионах России он имеет разные названия: хозяин леса, леший, лесной дух, лешак, лесовик, дедушка-лесовой и т.д.

Образ лешего в верованиях и фольклоре русских крестьян зачастую синкретичен. Леший - «хозяин» леса, властвует не только над лесным пространством, он также влияет на многие жизненно важные моменты человеческого бытия. Поэтому некоторые исследователи соотносят образ лешего с образом Волоса (Велеса) и с образами святого Георгия и святого Николая, по народным представлениям обладающих властью и над природным и над человеческим миром. Складывался этот образ на протяжении длительного времени, вобрав в себя такие качества, как стихийность, непредсказуемость, вездесущность, могущество. Со временем, под влиянием христианства, образ лешего приобрел черты нечистого духа.

В мифологических рассказах образ лесного «хозяина» разнообразен. Леший может принимать целый ряд обликов: зверя, дерева; умершего либо живого человека (знакомого и незнакомого), человека в облике которого проступают черты зверя или нечистого духа.

1.2. Время и пространство появления: в мифологических рассказах человек сталкивается с лешим чаще в «нечистое» или пограничное время (утро и вечер, полдень и полночь). Пространство, в котором появляется леший, с одной стороны – природное (лес, болото, дерево, скала, камень), с другой – граничит с культурным, освоенным человеком пространством (перекресток, тропа, поле).

Столкновение и взаимодействие с лешим, как показал анализ, происходит как на пространственных, так и на временных границах.

1.3. Контакты с духом-хозяином леса: отношения между лешим и человеком неоднозначны. Проанализировав значительный корпус мифологических

рассказов о лешем, можно отметить сложные (иногда противоречивые) отношения между человеком и лешим: наблюдается стремление к сохранению порядков двух миров: своего и чужого. Безопасное проникновение в пространство лешего зачастую возможно только при соблюдении определенных правил. Нарушение порядка одной стороной приводит к совершению ответных действий.

«Этот», «свой», «культурный» мир, в котором пребывают люди, отличен от «того», «чужого», природного мира, в котором действуют мифологические персонажи, в частности, леший. Между этими мирами существует взаимодействие, и известная граница, которую леший способен пересекать. Безопасные и даже выгодные для человека отношения с лешим возможны при соблюдении предписанных правил. Людям приходится вступать с лешим в сложные отношения взаимобмена. Тем не менее, какую бы пользу леший не приносил, он все-таки является представителем иного, природного мира, люди стараются избегать встречи с ним.

2. Дух-хозяин лесного пространства в корейской традиции: параграф посвящен описанию представлений о лесном духе Токкэби в корейской культуре и сопоставлению их с представлениями, бытующими в русской культуре .

2.1. Представления о духе-хозяине леса: в корейской науке существуют разные мнения о происхождении образа лесного Токкэби. В большинстве исследований говорится о Токкэби, как об одном из видов злых духов или нечисти. Но в образе лесного Токкэби прослеживается более сложное представление. Лесной Токкэби имеет разные облики: многолетнее дерево, старая хозяйственная утварь и орудия земледелия; природные стихии (ветер, огонь), живой или мертвый человек, человек, наделенный необычными свойствами.

2.2. Время и пространство появления: как показывает анализ корейских мифологических рассказов, Токкэби является посредником между светом и тьмой, «этим» и потусторонним, «культурным» и природным мирами. Также

как и леший, Токкэби чаще всего появляется в переходное время суток: вечером, ночью, перед восходом солнца или после заката. Встреча с лесным Токкэби происходит тогда, когда человек пересекает пространственные границы (перевал, тропу, перекресток).

2.3. Контакты с духом-хозяином леса: В корейских мифологических рассказах отношения между человеком и лесным Токкэби, так же как и в русской традиции, обычно строятся на договоре. Лесной Токкэби оказывает человеку помощь, если тот проявляет почтительное отношение к нему. Токкэби может наградить или помочь разбогатеть человеку, который приносит ему любимое угощение: кисель из гречневой муки, собачье мясо, кашу с красной фасолью. Угощение является залогом установления договора между Токкэби и человеком.

В отличие от русского лешего, который начинает взаимодействовать с человеком по большей части тогда, когда человек либо просит его о помощи, либо нарушает правила поведения, лесной Токкэби приходит к людям сам, без каких-либо мотивировок.

Вторая глава завершается **«Выводами»**, сделанными на основе анализа и сопоставления русских и корейских мифологических рассказов.

Рассмотрев образ лесного духа в русской и корейской культурах в нескольких аспектах (представления о лесном духе, время и пространство появления, контакты людей с лесным духом), можно отметить и сходства, и существенные различия. В описании этих персонажей используются одни и те же образы: зооморфный, фитоморфный, невидимый, антропоморфный, смешанный.

В русских мифологических рассказах часто рассказывается о лешем, имеющем облик животных, но в корейских почти не встречается Токкэби в животном облике.

В русских поверьях и мифологических рассказах отражается связь лешего с миром мертвых (чаще – умерших неестественной смертью). Леший часто показывается человеку в образе покойника. В корейских представлениях эта

связь отражена косвенно, в способности лесного Токкэби появляться в виде блуждающих огней или в образе человека, дурно пахнущего. Дурной запах указывает на связь с потусторонним миром. В образе огня предстает душа умершего. Этот огонь обладает необычными свойствами: он может летать, разделяться на несколько частей, иметь синий цвет, и он не способен обжигать. Почти все эти свойства в русских поверьях имеет душа умершего, однако представления о лешем-огне в русской традиции отсутствуют.

В представлениях о действиях лесных мифологических персонажей в русской и корейской традициях отразилась их амбивалентная природа. Здесь закреплена та стадия мировосприятия, когда мифологическое существо представлялось в своих поступках похожим на человека: оно могло наказывать, но могло и помочь, наградить, с ним можно было договориться, его можно было умиловить жертвоприношениями. Духам леса приписывали способность (в зависимости от обстоятельств) приносить выгоду или убыток человеку. Чтобы заручиться покровительством мифологических персонажей и русские и корейцы использовали почтительные обращения: в русской традиции – дедушка, батюшка, хозяин, хозяйюшка, в корейской традиции – дедушка, Чамбонг или Ёнгам, Джинсе, Ким Собанг, (последние обращения указывают на достаточно высокий социальный статус).

Обладание определенным знанием помогает человеку контролировать контакты с иной реальностью. Благодаря такому знанию человек может избежать подобных контактов или предпринять необходимые меры защиты.

Чтобы защищать себя от лешего, русские применяют магические средства, включающие как языческие, так и христианские обереги: крест, молитву; железные предметы, матерную брань. В корейской традиции для избавления от Токкэби использовали исключительно языческие обереги (священную веревку, коня, собаку, петуха, особенно белого окраса, а также их кровь или крик, железные и серебряные предметы и т.д.).

Существенные различия в функциях русского лешего и корейского Токкэби связаны с особенностями национальных традиций и религиозных

верований в целом; с тем как – исторически по-разному – складывались представления об этих персонажах. Образ русского лешего более синкретичен, и его функции более разнообразны. Так, он наделен функцией покровительства животным, скотоводам и охотникам, отсутствующей у Токкэби. Но в образе Токкэби усилены черты покровителя рода: благополучие или несчастье в семье зависит от правильного или неправильного места захоронения предков, места, которое указывает Токкэби.

Третья глава «Структура русских и корейских мифологических рассказов о лесном духе» посвящена сопоставлению структур русских и корейских мифологических нарративов. Сопоставительный структурный анализ потребовал привлечения дополнительного теоретического аппарата.

1. Изучение повествовательного фольклора в структурном аспекте в корейской научной традиции: параграф посвящен обзору корейских исследований, касающихся структуры устных нарративов. В корейской фольклористике единицы фольклорного повествования имеют терминологическое определение *данлаксо*. Джо Донг Иль в работе «Мир устного народного повествования», следуя за В.Я. Проппом и А. Дандесом, утверждает, что рассказы устной народной прозы определены последовательностью таких *данлаксо*, как «беда» и «удача».

В корейской филологии под *данлак* (слово, от которого был произведен термин *данлаксо*) понимается содержательная единица членения текста. *Данлак* состоит из одной или нескольких фраз.

Термин «*данлаксо*» соответствует термину *функция* В. Проппа и термину *мотифема* А. Дандеса. Главное отличие между этими тремя структурными подходами определяется количеством выделяемых исследователями структурных единиц. Джо Донг Иль считает, что фольклорный текст строится на двух *данлаксо* (беда и удача).

2. Сравнительный анализ корейских рассказов о Токкэби и русских мифологических рассказов о лешем: во втором параграфе на основе структурного анализа корейских рассказов о Токкэби и русских мифологических рассказов о лешем выявляются их общие закономерности. На основе выделенных закономерностей определяется общее и специфически национальное в построении рассказов такого типа.

Для сравнительного анализа двух традиций был сформулирован принцип описания структуры корейских рассказов о Токкэби и русских быличек. Исходным стало предположение о том, что нарративная структура повествования одинакова во всех типах мифологических рассказов, вне зависимости от традиции. При сопоставительном анализе структуры мифологических нарративов был использован принцип, предложенный Ким Джонг Дэ, который выделил восемь типов рассказов о Токкэби, исходя из функций последнего. Каждой из восьми функций соответствует определенный тип рассказа.

2.1. Обнаружение МП (здесь и далее – мифологический персонаж): в рассказах данного типа сам пострадавший или его знакомые рассказывают о случившемся, т.е. особенностью данного типа рассказов является установка на достоверность.

2.2. Обогащение героя с помощью МП: в этом типе мифологических рассказов сообщается о том, как герой разбогател, встретив МП. После этого человек либо избавляется от МП, сохраняя свое богатство, либо теряет это богатство.

2.3. МП в роли благодетеля: в рассказах типа «МП в роли благодетеля» повествуется о том, как человек приобретает благополучие с помощью МП. Этот тип, на первый взгляд, похож на тип «Обогащение героя с помощью МП», но в нем представлен другой образ МП. Если в типе «Обогащение героя с помощью МП», МП помогает человеку решить его проблему, но при этом является существом, от которого человек должен непременно избавиться, то здесь МП является объектом почитания.

2.4. Предсказания МП: этот тип мифологических рассказов очень прост и по своей структуре и по своему сюжету: в этих рассказах демонстрируется способность МП предсказывать будущее.

2.5. Борьба-состязание с МП: мифологические рассказы этого типа повествуют о том, как герой борется с МП. МП появляется перед человеком и предлагает состязаться с ним; человек и МП меряются силой или умом. Если в корейской традиции рассказы данного типа являются одними из самых популярных (особенно борьба-состязание в силе), то в русской традиции такие рассказы о лешем встречаются достаточно редко. Борьба-состязание происходит почти исключительно с чертом.

2.6. Козни МП: сюжет рассказов этого типа прост: МП появляется перед человеком и изводит его. Человек спасается от покушения на него с помощью оберегов или продолжает страдать от действий МП. Рассказчик, описывая МП как страшного и вредоносного, при этом представляет его как существо нечистое. Если человек вовремя догадывается, с кем он имеет дело, и использует силу оберега, он благополучно спасается. В противном случае человек заболевает или умирает.

2.7. Озорство МП: в рассказах подобного типа речь идет о людях, пострадавших от озорства МП. МП предпринимает какие-либо действия по отношению к человеку, шутит, пугает, но потом сам уходит (исчезает), причинив неприятности, но без серьезных последствий.

2.8. Возмездие МП: в рассказах типа «Возмездие МП» МП наказывает за неуважительное отношение к себе, разрушение договора, определенных правил поведения, за причинение вреда.

В **«Выводах»** к третьей главе суммируются результаты сопоставительного анализа выделенных типов корейских и русских мифологических рассказов. Эти рассказы состоят из следующих повествовательных данлакс: обнаружение – описание внешнего облика (рассказы типа «Обнаружение МП»); недостача – контакт с МП – ликвидация

недостачи (рассказы «МП в роли благодетеля»); контакт – предсказание – толкование предсказания – исход (рассказы «Предсказание МП»); контакт – борьба – победа (или поражение) (рассказы «Борьба с МП»); контакт – обман – следствие обмана – победа МП (рассказы «Козни МП»); контакт– озорство – неблагоприятный исход (рассказы «Озорство МП»); нарушение обычая (причинение вреда) – наказание (рассказы «Возмездие МП»).

Структура корейских и русских рассказов типа «Борьба с МП» может различаться. В корейских рассказах, состязаясь с Токкэби в силе, человек всегда побеждает его. В русских – леший одерживает победу над человеком. Состязаясь с МП в смекалке, человек выигрывает и в корейских и в русских рассказах.

Отдельно выделяются типы рассказов, которые бытуют только в корейской традиции – «Обогащение героя с помощью МП» и «Токкэби-геомант» (общий тип – «МП в роли благодетеля»).

В русской традиции не существует мифологических рассказов о лешем, сходных с подтипом «Токкэби-геомант». Сюжет рассказов данного типа основан на представлениях фэн-шуй, отсутствующих в русской культуре.

В **«Заключении»** представлены основные выводы, полученные в ходе исследования.

Представления о лесных пространствах, сложившиеся в ходе познавательной и хозяйственной деятельности человека (как в русской, так и в корейской культуре) стали одними из основополагающих в его мировоззрении: лес олицетворяли и почитали. Олицетворением леса является в русской культуре леший, в корейской – лесной Токкэби.

В русской и корейской фольклорной традиции существуют рассказы, повествующие о духах-олицетворениях или «хозяевах» леса. В русской фольклористике такой рассказ определен как быличка. В корейской нет специального термина для подобных рассказов (их условно можно назвать «рассказы о Токкэби»).

В русской исследовательской традиции существуют различные представления о функции былички. Одни исследователи считают основной функцией концептирующую, т.е. обосновывающую совокупность определенных представлений о мироустройстве. Другие полагают, что основная функция былички – сугубо утилитарная (она «иллюстрирует нормы поведения»).

Подобное мнение было высказано и корейским ученым Ким Хак Сон. Он считает, что само происхождение Токкэби связано с несоблюдением запретов. Если человек нарушает регламентированное в традиционной культуре обращение с предметами, они могут превратиться в Токкэби. Особенно важным является строгое соблюдение правил уничтожения предметов, на которые попала кровь человека.

В русском и корейском мифологических представлениях важное место занимает оппозиция «свой» - «чужой», «чистый» - «нечистый». Для русских и корейцев внешнее («чужое», «нечистое») пространство ассоциируется с лесом, горой, рекой, морем и т.д., и противостоит «культурному» («своему», «чистому») пространству, обустроенному для повседневной жизни человека и его ближайшего родственного окружения.

Временная оппозиция складывается из соотношений «света» и «тьмы», «дня» и «ночи». Эта оппозиция в содержательном смысле также соответствует оппозициям «свой» - «чужой», «чистый» - «нечистый». Опасное («нечистое») время суток – ночь, а также переходные («пограничные») промежутки времени: полдень, полночь, рассвет, закат, сумерки. Действительно, контакт с мифологическими персонажами зачастую происходит тогда, когда человек находится в пределах «нечистого» (опасного) пространства и времени.

Русские и корейские представления об обликах лешего и лесного Токкэби в общих чертах схожи. Они фитоморфны, антропоморфны, а также могут иметь облик стихии – ветра или вихря.

Самое существенное отличие в представлениях о лесном духе в русской и корейской традициях обусловлено связью Токкэби с культом умерших, в образе

которых появляется Токкэби (в виде огня, который в корейской культуре огонь ассоциируется с духом умерших). Другое отличие связано с тем, что в русских мифологических рассказах нередко повествуется о лешем, принимающем облик зверей и птиц. Такое представление связано с функцией лешего как покровителя лесных зверей и домашнего скота. Это не характерно для лесного Токкэби. В корейской традиции функцию хозяина животных выполняет Сансин – высшее божество, горный дух-покровитель охотников и искателей женьшеня.

Некоторые действия лешего схожи с действиями лесного Токкэби: и тот, и другой принимают различные облики; выдают себя звуками; заводят людей; пугают; награждают понравившегося человека; служат ему; предсказывают будущее; наказывают человека, пришедшего не по нраву; посылают наваждения.

Однако некоторые действия способен совершать только леший: похищать проклятых, отданных ему «неосторожным словом»; помогать (либо, напротив, вредить) пастухам и охотникам. Такие действия, как поджог строений; геомантика, подношение богатства человеку характерно только для Токкэби.

Представление о лесном Токкэби как о геоманте основано на древнекитайской традиции фэн-шуй, которая широко применяется в Корее, особенно в выборе места захоронения предков, поскольку погребенные в «счастливым» месте предки обеспечивают благополучие потомков. Место такого захоронения указывает Токкэби.

И в русской, и в корейской традициях совершались обряды жертвоприношения лесному духу для обеспечения благополучного исхода различных дел и событий. У русских принести жертву лесному хозяину мог любой человек, попавший в лесу в беду либо желавший заручиться его милостью. В корейской традиции существуют два вида обрядов, имеющих целью умиловить Токкэби: индивидуальный и общедеревенский. Индивидуальный обряд обычно проводился с целью получения благосостояния от Токкэби. Общедеревенские обряды были направлены на защиту деревни от пожара либо эпидемии. Как жертвенную еду использовали блюдо,

приготовленное из гречи (густой кисель из гречневой муки, гречневую кашу), мясо (собачье, свинину, говядину), фрукты и др. Важной чертой этих обрядов, имеющих коллективный и открытый характер, является их связь с конфуцианской религией и шаманизмом.

Сопоставление структур мифологических рассказов привело к выводу о том, что повествовательные стратегии – способ рассказа о мифологическом персонаже – явление универсальное, не имеющее этнокультурной специфики. Специфика обнаруживается на уровне тематики, обусловленной различием мифологических и религиозных представлений русского и корейского народов, но не на уровне повествовательной структуры.

Сопоставление мифологических рассказов двух культур позволяет сделать вывод о том, что мифологический персонаж и связанный с ним круг представлений изоморфен формам практики, свойственным культуре. В мифологических рассказах отражена практика, как хозяйственная, так и религиозно-социальная. Традиция мифологических рассказов обеспечивает формы исторической преемственности определенного типа практик, очерчивая появлением духов-хозяев границы присущих той или иной культуре социальных, ментальных, хозяйственных, имущественных и прочих норм. Именно различие норм и практик, как нам представляется, лежит в основе тематических различий быличек и функций их персонажей в русской и корейской традициях.

«Приложение №1» включает типы и структуры рассказов о Токкэби, выделенные Ким Джонг Дэ, а также типы и структуры рассказов о Токкэби, выделенные автором настоящей диссертации.

В **«Приложении № 2»** приведен корпус корейских мифологических рассказов о Токкэби, переведенных диссертантом.

Содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Ли Чжэ Чжун Сакральная топография дома: домашние духи в корейской традиции // Научные чтения – 2004: Материалы конференции 6-17 декабря 2004 г.: Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность». СПб., 2005. С. 192-198.

Другие публикации:

1. Ли Чжэ Чжун Домашние духи в русской и корейской традиции // Живая старина 2005. С. 24-27.